
Юрий СОЛОЗОВ

СНГ: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ
ПОСЛЕ «РАЗВОДА»
Постсоветское пространство
на пороге перемен

«Крупнейшая геополитическая катастрофа», по словам Владимира Путина, конца XX века – распад Советского Союза – изменила облик сердцевины Евразии. Историческая территория государства Российского, веками державшего полконтинента, разом превратилась в аморфное постсоветское пространство. И сегодня, спустя полтора десятилетия, никто с уверенностью не может сказать, что «цивилизованный развод» бывших союзных республик завершен – бескровно и окончательно.

А может быть, мы поспешили объявить распад Советского Союза законченным?.. Известно, что большие империи распадаются долго и крайне болезненно. В этом случае наивно полагать, что искусственные административные границы СССР останутся неизменными. Если процесс «управляемой хаотизации» Евразии будет продолжаться, то вместо объявленного «десятилетия спокойной и стабильной жизни» мы увидим процесс появления все новых и новых государств. В том числе и внутри самой России. Нравится нам это или нет, на постсоветском (читай: пустотном!) пространстве, лишенном соединяющих скреп, начнут гулять чужие ветры.

Один из главных вопросов, которым сегодня постоянно задаются и высокопоставленные политики, и простые люди в СНГ, – возможно ли новое объединение некогда разъединенных постсоветских государств? Если возможно, то в какой степени и на какой основе?

РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ ИНТЕГРАЦИИ ДЛЯ ЕВРАЗИИ

Пространство СНГ не раз объявлялось Москвой приоритетным направлением для российской внешней политики. В предвыборной речи Дмитрия Медведева также нашлось место для этого тезиса. Основной кандидат в российские президенты считает естественным, что мы «занимаем активную позицию на пространстве СНГ». В то же время именно направление постсоветской интеграции остается наименее обеспеченным – кадрово, идейно, организационно. До сих пор никаких внятных планов для интеграции «постсоветского пространства» Россия не обнародовала. По этой простой причине нельзя говорить о наличии в массовом сознании российских граждан или хотя бы в рядах правящей бюрократии – прямых участников евразийской интеграции – некоего оформленного проекта, мотивированного большой идеей по типу общего «Европейского дома».

К сожалению, пророссийский интеграционный проект, даже в форме давно существующего ЕврАзЭС, еще не выработал ясных формул, четких лозунгов и слоганов, понятных элитам и массам. Можно говорить лишь о неких общих стремлениях стран СНГ к новому объединению (да и то больше в сиюминутно пропагандистском, нежели практическом ключе). В последнее время прослеживается опасная тенденция – прагматично использовать естественную тягу к объединению в Евразии как удобный инструмент, призванный решать частные политические и экономические задачи новых национальных государств, уже сложившихся за время с момента распада СССР. Но одного потока объединительной риторики и мелких шажков наивного прагматизма явно недостаточно для обеспечения стратегического выигрыша России на евразийском пространстве.

Надо трезво понимать, что если большая страна распалась, то на это были вполне объективные причины. Воссоздать по старым

советским лекалам единое пространство вновь – значит терять новые возможности, которые открываются сегодняшним временем. Кроме того, одни лишь воспоминания о былом величии не могут нас прочно объединить. История свидетельствует, что такие ностальгические союзы не имеют будущего: они уходят в небытие вместе с теми поколениями, которые еще помнят события общего прошлого. У государств и народов должна быть общая цель, к которой они стремятся и ради достижения которой можно поступиться сиюминутными неудобствами.

Чтобы уверенно двигаться вместе, необходимо четко осознавать направление и конечную цель движения на постсоветском пространстве. А для этого следует постоянно разрабатывать идеологию и механизмы такого движения, целенаправленно создавать институты интеграции. Поэтому первоочередная задача состоит в создании сетевого экспертного объединения (своего рода антиСВОП), имеющего четкую интеграционно-евразийскую ориентацию в вопросе о выработке новых представлений о том, что может объединить постсоветские страны. Пора уже окончательно определиться, какие страны СНГ устраивает предлагаемый Москвой проект регионального объединения, а кто из постсоветских новообразований пойдет своим отдельным путем.

На мой взгляд, предстоящее четырехлетие дает России исключительный исторический шанс для собирания стран СНГ вокруг Москвы.

Во-первых, грядущий президентский цикл 2008–2012 годов в России позволит продолжить позитивный задел эпохи Путина (прежде всего в наиболее перспективных действующих форматах ЕврАзЭС, ОДКБ и Таможенного союза), а также начать некоторые интеграционные проекты в СНГ с чистого листа.

Во-вторых, правящие элиты в большинстве государств бывшего СССР уже легитимно переизбраны на очередной срок (местами – вплоть до 2012–2015 годов), однако инерционное продление сроков годности «старой» постсоветской власти весьма проблематично. Появление наднациональных интеграционных структур не только дает возможность «трудоустройства» управленческим кадрам высшего звена после момента передачи власти, но и, что крайне важно, создает принципиально новую размерность властного пространства в СНГ.

В-третьих, основные внешние игроки в этот предстоящий четырехлетний период будут слишком заняты своими делами, чтобы вести активную игру на пространстве бывшего СССР. Евросоюз, который еще будет долго «переваривать» вошедшие в него страны Центральной и Восточной Европы, ныне зафиксировался в геополитическом формате «Европа от Бреста до Бреста». Растущий Китай останется привязанным к решению насущных внутриэкономических проблем и к экспансии в АТР. «Свежая» администрация США почти весь первый срок станет выработать контуры новой внешней политики в Евразии, поэтому Вашингтон хоть и с неудовольствием, но примет как факт выдвижение пророссийского интеграционного проекта (особенно при сохранении приемлемой для Запада внешнеполитической риторики о «северном кольце демократий» и т.п.).

Так что у нас есть все основания для того, чтобы встретить двадцатилетие СНГ в принципиально новой интеграционной конфигурации. Поэтому главная политическая задача будущей legislatury российского президента (которая, на мой взгляд, сегодня ставится еще недостаточно настойчиво) должна быть регионально объединительной в СНГ. Настоящая статья как раз представляет собой попытку нарисовать общие контуры перспективного интеграционного проекта России на постсоветском пространстве.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ВИД СВЕРХУ

На первый взгляд территория бывшего СССР являет собой пеструю мозаику. Здесь есть очевидный гигант – Россия, которая занимает преимущественную часть постсоветского пространства и во многом определяет его будущее. Вокруг нее расположилась очень разнородная совокупность государственных образований. Там и страны Балтии, которые де-факто представляют собой отрезанный ломоть Союза, – часть Объединенной Европы. Неподалеку находятся западные республики – Украина, Молдавия, Белоруссия – и государства Южного Кавказа. Здесь же и несколько «малых планет» постсоветской системы: формально непризнанные, но вполне состоявшиеся государственные образования – Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье. Далее на восток вторая по территории стра-

на СНГ – Казахстан, затем тяготеющие к нему страны Центральной Азии – Туркмения, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан.

Разнобой политических систем; обилие пестрых политических союзов и противоположных друг другу внешнеполитических доктрин, анонсированных на постсоветском пространстве с момента распада СССР, способны свести с ума не одного приверженца строгой политической классификации. Современная политическая ситуация осложняется тем, что холодная война с четким разделением «друзей» и «врагов» формально закончилась, но с ее завершением структура биполярных международных отношений стала заведомо неопределенной. Такая ситуация дала повод западным аналитикам, в частности Николаю Злобину, утверждать, что «в ближайшем будущем постсоветское пространство полностью перестанет восприниматься как пусть рыхлое, с распадающимися связями, но все же единое пространство, как целостный объект воздействия политики внешних сил, в том числе дипломатии России». Как видим, сложившаяся на пространстве Евразии неопределенность стала весьма выгодным фоном для реализации политических и экономических программ внешних сил.

Однако в геополитической оптике общая картина постсоветского пространства предстает довольно четко. В ходе «крупнейшей геополитической катастрофы» начала 90-х произошло сворачивание России к доимперским границам XVII – начала XVIII веков. На современной карте возникло то, что выдающийся геополитик Вадим Цымбурский, все чаще называемый на Западе «российским Хантингтоном», очень точно определил как «Остров Россия». Прошедшие после распада СССР 16 лет показали, что этот приполярный субконтинент (Уильям Паркер в работе «Европа: как далеко?» пришел к фундаментальному выводу о том, что нет двух самостоятельных материков – Европы и Азии, – а есть один: Евразия. Паркер впервые делит Евразию на шесть субконтинентов: Европейский, СССР (ныне – большая Россия), Китай, Индия, Юго-Восточная и Юго-Западная Азия) обладает неплохим собственным запасом прочности. Однако Россия не должна дремать в безмятежном историческом сне. По мнению Цымбурского, нашу слишком большую по мировым меркам страну вполне можно «обкусать со стороны Дальнего Востока и Кавказа или посеять сепаратизм в Европейской части (от Мурманска до Санкт-Петербурга)». И наконец, попросту «разломить через Уральское подбрюшье».

До тех пор пока российская граница со стороны Центральной Азии будет защищена, Россия может чувствовать себя в достаточной безопасности. По этой причине Казахстан, имеющий с нами общую границу протяженностью свыше 7,5 тысячи километров, является ключевым геостратегическим партнером для России.

Вот что говорит по этому поводу последний доклад американо-израильского Центра стратегических прогнозов Stratfor (коммерческого предприятия, работающего на несколько десятков крупнейших корпораций США и называемого в западной прессе «теневым ЦРУ»), опубликованный в самом начале 2008 года: «Ключевое значение в этом плане имеет Казахстан – единственное из центральноазиатских государств, имеющее общую границу с Россией. Если Астана перейдет в сферу влияния Пекина, другие страны Центральной Азии не только сочтут экономически целесообразным последовать ее примеру, но и получат в лице Казахстана – шестого в мире по размерам территории государства – полезный “буфер”, отделяющий их от разгневанной России».

Без дружественного Казахстана Россия не способна обеспечить ни безопасность Сибири, ни защищенность собственных южных границ, ни безопасность своих инфраструктурных транспортных артерий (Транссиба, магистральных трубопроводов и т.п.). От судьбы российско-казахстанских отношений во многом зависят экономическая будущность, политическая стабильность и даже территориальная целостность Российской Федерации. Поэтому предстоящая возрастная смена в высшем российском руководстве не должна стать причиной некоторого недопонимания между Москвой и Астаной. (Не секрет, что успех российско-казахстанских переговоров во многом определялся хорошими личными отношениями между Владимиром Путиным и Нурсултаном Назарбаевым.) Как ни странно, но Россия до сих пор не проявила настойчивости и последовательности в осуществлении своей активной стратегии в важнейшем регионе Центральной Азии. Более того, сама российская доктрина по обеспечению национальных интересов на постсоветском пространстве в данный момент проработана недостаточно отчетливо.

Не менее важное стратегическое значение для России имеет весь сквозной пояс суверенных пространств, который Цымбурский обозначает термином «Великий Лимитроф». Под этим понимается

единый пояс (от Корейского полуострова и до Финляндии), отделяющий Россию от всех цивилизационных центров – исторических доменов романо-германской (Западная Европа), арабо-иранской (Ближний и Средний Восток), китайской и индийской цивилизаций. Постоянный контроль над «территориями-проливами» (первоначально под этим термином понимали «ничейные» пространства бывшего СССР, образовавшиеся после 1991 года и отделявшие Россию от Старой Европы; затем его значение расширили до концепта Лимитрофа) критически важен для будущего России. Анализируя материалы многочисленных отечественных и зарубежных исследователей, следует признать, что граница между Европой и Азией от Черного моря до Северного Ледовитого океана нигде не является четкой. Впервые это утверждение сделал известный немецкий естествоиспытатель Александр Гумбольдт более века назад. Дмитрий Менделеев писал в 1906 году: «Отделение Европы от Азии во всех отношениях искусственно и с течением времени непременно сгладится и, вероятно, даже пропадет». По мнению многих аналитиков, пространство Великого Лимитрофа станет важнейшей конструкцией нового мирового порядка. Именно здесь в начале XXI века будут разыграны ключевые геοэкономические и военно-стратегические сценарии. Кстати, в некоторых западных геополитических работах содержится многообещающее предложение отказаться от традиционной географической границы Азии и Европы по Уральскому хребту. Так, Пьер Гуру еще в 1956 году предложил проводить подвижную границу вдоль политических границ Советского Союза и соседних стран Азии. В таком случае Чукотка, Камчатка и Курилы вполне могут оказаться восточным форпостом Объединенной Европы на Тихом океане...

ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Москва, изначально объявившая пространство СНГ сферой своих преимущественных интересов, оказалась вынуждена соперничать в большинстве регионов Содружества с серьезными политическими конкурентами. Причем не только в лице стран совокупного Запада – евроатлантического сообщества, – но и иных внешних центров

силы, имеющих все возрастающие региональные интересы (к их числу относятся Иран, Китай, Индия, Пакистан, Турция и ряд арабских стран). Эти новые игроки помимо России и Запада оказались «третьими», но совершенно не лишними для складывающихся национальных государств в Центральной Азии и даже на Кавказе.

Историческая дилемма в отношении будущего постсоветского пространства поставлена довольно жестко. Или в ближайшие четыре года Россия сумеет стать центром притяжения для ближайших соседей, окажется локомотивом их экономического и политического объединения на новой основе и совершит совместный рывок в новую постиндустриализацию. Или по истечении короткой исторической передышки Россия навсегда распрощается с надеждами на возрождение своего влияния на территории бывшего СССР и вскоре сама станет объектом мирового дележа.

На статичном фоне России, долгое время не проявляющей весомой геополитической инициативы, именно эти внешние игроки стали для многих постсоветских стран притягательными цивилизационными центрами – образами будущего. Новые политические акторы (в отличие от Москвы) зачастую являются носителями больших проектов для элит постсоветских стран, что усиливает центробежные процессы в СНГ. В ближайшее время со стороны внешних сил (США, ЕС, Китая) следует ожидать точечного стимулирования выгодных им интеграционных процессов в разных частях пространства бывшего СССР, при этом предпочтение будет отдаваться двусторонним контактам в отдельных сферах (экономике, обороне, борьбе с общими угрозами – например, энергобезопасности и т.п.). В схватке за влияние на постсоветские государства и для обеспечения контроля над природными ресурсами Евразии внешние центры силы будут стремиться формировать сетевые объединения из стран бывшего СССР под своей эгидой, в том числе с включением в них других внешних государств – своих союзников.

Примерами таких образований могут служить ШОС (одним из инициаторов которой является Пекин), все больше превращающаяся из инструмента международной стабильности, призванного зафиксировать баланс сил в Центральной Азии, в сугубо китайский инструмент влияния. В этом же ряду стоят и исключительно прозападные объединения вроде ГУАМа и Содружества демократического выбора

(оба блока созданы под покровительством США и ЕС), а также ряд будущих проектов. В частности, речь идет о возможном проамериканском объединении стран Центральной и Южной Азии, активно включающем в орбиту стран СНГ воюющий Афганистан и нестабильный Пакистан. Данный проект «Большая Центральная Азия» (Big Central Asia) нацелен на создание долговременного очага управляемого конфликта в крайне уязвимом «мягком подбрюшье» России.

Из сказанного выше вытекают две первоочередные стратегические задачи для будущей российской власти.

Первая задача – всеми силами препятствовать внешним игрокам реализовывать свои геополитические проекты на исторически пророссийской территории Великого Лимитрофа. Нельзя допустить выстраивания этого пояса как прозападного сквозного протектората, позволяющего в сочетании с морской мощью контролировать крупнейшие цивилизации Евразии – Россию, Индию, мусульманский мир плюс Иран, а также Китай.

Не меньшую угрозу для России представляет формирование среди «территорий-проливов», ставших новыми постсоветскими государствами, контролируемых извне стратегических заглушек, которыми могут быть зажаты любые российские военно-политические и геоэкономические проекты изнутри континента. А сама область Лимитрофа в такой ситуации рискует оказаться поделенной на зоны ответственности, контролируемые внешними силами. Поэтому необходимо позаботиться о более жестком блокировании военного присутствия военных сил НАТО и США на Кавказе, особенно на Каспии, а также мягко противодействовать явному наращиванию китайской «военной помощи» странам Центральной Азии.

Вторая задача – создать в поясе Великого Лимитрофа активный пророссийский военно-политический союз (на базе ОДКБ), подкрепленный эффективным геоэкономическим проектом. Минимальная конфигурация такого союза включает в себя помимо России еще Белоруссию и Казахстан, которые позволяют нашей северной державе иметь защищенные выходы на запад, юг и восток. Этот союз во многом обесмысливает возню внешних сил на «территориях-проливах». Поэтому представляется логичным для России делегировать нашим стратегическим союзникам «сержантские функции»: Астане дать особые интеграционные полномочия в Центральной Азии, а

Минску – в западном направлении. (Разумеется, при оставлении за Москвой стратегической ответственности за командные точки интеграции в постсоветском пространстве.) Весьма примечательно, что данная геополитическая конструкция практически совпадает с форматом нового Таможенного союза «трех», открытого для присоединения других членов ЕврАзЭС.

СУХОПУТНЫЙ МОСТ ОТ ЕВРОПЫ ДО КИТАЯ

В перспективе на воссозданной союзной территории (например, в формате Евразийского союза государств) надо организовать континентальный геоэкономический мост, соединяющий две сверхдержавы будущего – Евросоюз и Китай. Географическое расположение наших стран – участниц союза – представляет собой кратчайшую дорогу из Азии в Европу и поэтому является важным геостратегическим преимуществом, так как позволяет связывать между собой крупные мировые рынки. Речь идет о создании в России, Белоруссии и Казахстане помимо энергетической еще и транспортной олигополии, то есть сети транспортных коридоров.

Нашим странам необходимы не проекты кратного увеличения объемов нефтедобычи (с весьма туманными перспективами их реализации на рынке АТР). Не следует также бросать бюджетные средства исключительно на строительство новых трубопроводов (порой не обеспеченных сырьем) вроде проекта ВСТО (Восточная Сибирь – Тихий океан), создающего всего 5000 рабочих мест за потраченные 13 миллиардов долларов. Тем более что, потянув за рукава трубопроводов, Россию можно будет разорвать, как ветхий кафтан, между ЕС и Китаем. Уставшему от бессмысленных реформ ради реформ постсоветскому обществу нужна быстрая диверсификация экономики, пока мировые цены на сырье держатся на высоком уровне. Мы должны разработать прорывные макропроекты, способные изменить структуру промышленности, имеющие значительную добавленную стоимость, мультипликативный эффект, экспортный и ресурсосберегающий потенциал.

Обновленный союз вокруг Москвы может и должен стать надежной транспортной скрепой, безопасно связывающей экономики Вос-

тока и Запада сухопутным путем. По оценке Всемирного банка, товарооборот между Европой и «мировой фабрикой» – Юго-Восточной Азией и Китаем – составил в 2005 году 700 миллиардов долларов, а к 2010 году товарооборот может составить один триллион долларов. По существующим прогнозам, объем контейнерного потока между Азией и Европой к 2015 году достигнет около 40 миллионов TEU, в то время как максимальная пропускная способность Транссибирского пути составит 1,5–3 миллиона TEU. Так что существующая линия Транссиба, уже загруженная пассажирскими и грузовыми перевозками (нефть, круглый лес в Китай), просто не потянет весь объем перевозок. Сегодня, после резкого повышения тарифов на Транссибе, товары из Китая и других стран Восточной и Юго-Восточной Азии доставляются в Европу преимущественно морским путем через Суэцкий канал и даже в Россию идут через Финляндию! Чтобы конкурировать с океаном по объему контейнерных перевозок, важно использовать все преимущества нашей сухопутной магистрали как транзитного коридора – это можно будет реализовать только при скоростной доставке грузов на новой логистической базе.

Необходима принципиально новая высокоскоростная железнодорожная магистраль с узкой колеей в 1435 миллиметров, принятой в Европе и КНР (нашу широкую колею в 1520 миллиметров надо оставить для поездов предыдущего поколения и перевозки местных грузов). Данная стратегическая трасса пройдет от существующих китайских терминалов по территории Казахстана, России (южнее Москвы) и Белоруссии. Этот сегмент транзита (от 15 до 25 миллиардов долларов ежегодно) называют наиболее перспективным и большинство европейских экспертов. Необходимо конвертировать наши естественные преимущества в виде дешевых энергоресурсов в конкурентоспособный транспорт. То есть превратить очевидный недостаток – большие расстояния – в достоинство. Это станет возможным после образования уникального Таможенного союза в пространстве, протянувшемся на десять часовых поясов. Такого нет нигде в мире!

Для реализации столь масштабных задач также необходимо значительно удешевить транспортную составляющую. Пока еще стоимость провоза одной тонны груза по российским транспортным магистралям на один километр составляет 3,5 доллара, в то время как в развитых странах – не более одного доллара. Основной задачей

ближайшего времени должно стать формирование единого пакета по низким внутренним тарифам в пределах Таможенного союза – транспортным и таможенным. Новые тарифы будут способствовать повышению нашей конкурентоспособности и увеличению прибыли.

Необходимо совместное вложение капиталов наших стран в подобные крупные проекты для развития инфраструктуры (по историческому примеру царской России, «переплавившей» лежавшие мертвым грузом взятки столоначальников в бум железнодорожных концессий). Тут есть куда вкладывать нефтяные и прочие рентные доходы: в настоящее время Россия занимает всего 72-е место в мире по уровню развития инфраструктуры. Да и остальные страны Содружества в инфраструктурном отношении остались на уровне советского времени. Речь должна идти о принципиально новой геоэкономической стратегии развития Содружества. Необходимо состыковать опорную транспортную сеть с многофункциональными производственными комплексами и транспортно-логистическими центрами. Должны быть применены прорывные технологии логистики, в том числе с использованием глобальной системы навигации ГЛОНАСС. Сейчас вместе с группой российских и казахстанских экспертов мы работаем над таким перспективным проектом. Полагаю, что эта программа станет нашим посильным вкладом в дело интеграции стран Содружества.

Не менее важное значение для стран будущего союза имеет развитие другого транзитного коридора «Север–Юг» (по маршруту Россия–Казахстан–Иран–Индия), который обеспечит переориентацию части транзита из зоны Индийского океана, традиционно доставляемого крупнотоннажным флотом через Суэцкий канал в порты Европы, на новый маршрут, проходящий через наши страны. По оценкам экспертов, с развитием коридора «Север–Юг» относительные и абсолютные показатели взаимововлеченности государств Евразийского союза в мировой транзит грузов могут вырасти в несколько раз. По мнению Цымбурского, только решение этой задачи сможет обеспечить стратегическое сотрудничество России, Китая и Ирана, которое имело бы декларированный геоэкономический смысл: «Формирование транспортных потоков со стороны Индийского океана, идущих на север, в сторону Европы, фактически утвердило бы российско-китайско-иранскую транспортную и ресур-

сно-поточную олигополию, обеспечиваемую взаимодействием трех держав в Центральной Азии и их совместным противодействием любым попыткам дестабилизировать это звено Лимитрофа».

Данный проект не только сулит значительные финансовые дивиденды членам Евразийского союза, предоставляющих свои транспортные коридоры для увеличивающегося грузопотока, но и, самое главное, позволит нам не выпасть из мирового разделения труда – то есть избежать участи сырьевых задворков и захолустной периферии «нового прекрасного мира». С учетом выгодного географического положения мы сможем эффективно использовать свой экономический и научный потенциал в этом товарообороте. Кроме того, увеличение объемов транзита позволит обеспечить поступательное развитие национальной инфраструктуры и экономический подъем целых промышленных регионов, примыкающих к транспортным коридорам, – таких как Урал, Поволжье, Южная Сибирь, Западный Казахстан и т.д. В итоге Евразийский союз превратится в контролера и владельца континентального суперконвейера по формированию новых товаров прямо в ходе транзита (в режиме just-in-time) из полуфабрикатов, выпускаемых «мировой фабрикой» в АТР, а также вполне способен стать важнейшим мировым центром по оказанию логистических услуг.

ПРОБЛЕМА «НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ»

Пробным камнем, на котором будет оттачиваться умение российской политической элиты выстраивать системные отношения в СНГ, является проблема так называемых непризнанных государственных образований. После распада СССР мы привыкли к тому, что рядом с Российской Федерацией и прочими постсоветскими странами появился целый архипелаг из «непризнанных государств» – Приднестровье, Нагорный Карабах, Южная Осетия и Абхазия. За минувшее десятилетие эти самодостаточные образования доказали, что они не бедные родственники, окопавшиеся на исторической помойке бывшего Союза. «Непризнанные» республики куда более успешно развивают свою государственность и экономику, чем их иные формальные «хозяева», например Грузия и Молдавия. Поэтому, несмотря на всю воинственную риторику, несостоявшиеся «метрополии» почти смирились с са-

мостоятельным существованием непокорных «партизанских республик» – этих пророссийских государств на постсоветском пространстве, до сих пор не признанных, прежде всего самой Россией.

Отличие этих «малых планет» постсоветской системы от уже привычных сепаратистских анклавов в мире состоит в их четкой ирредентистской направленности. Так, Нагорный Карабах стремится стать частью Армении, а прочие «непризнанные» давно хотят присоединиться к России. Так почему же государства, настойчиво стремящиеся к союзу с Россией, остаются до сих пор без признания Москвы? Стандартное объяснение этого парадокса таково.

Во-первых, в мире получила распространение практика двойных стандартов: одним народам позволяют реализовать свое право на самоопределение, а другим – по не вполне понятным основаниям – в этом отказывают.

Во-вторых, существующие вне правового поля квазигосударственные образования якобы неизбежно криминализируются и сами выпадают из «приличного общества».

В-третьих – и это самое главное, – данные примеры успешной мобилизации народов как вооруженных носителей общей судьбы якобы создают опасный прецедент мобилизации наций, поэтому лучшая политика на постсоветском пространстве – любой ценой сохранить статус-кво времен распада СССР.

Получается, что Россия так и не научилась различать центробежные (сепаратистские) и центростремительные (ирредентистские) силы на постсоветском пространстве.

Принцип американского президента Вильсона и предсовнаркома Ленина, предполагающий право наций на самоопределение, мало чем поможет сербам, живущим в Косово. России, стремительно теряющей свое место в мире, также бессмысленно надеяться на «универсализм ООН» и «общечеловеческие ценности». С точки зрения сильного, в современном мире только Запад должен иметь право на легитимацию новых государственных режимов. Нам пора думать о реальных политических шагах по организации конституционного процесса приема новых пророссийских частей в состав Большой России.

Повестка дня сегодня формулируется предельно просто: либо государство Российская Федерация выступает как живое ядро тысячелетней российской цивилизации, способное наращивать свою

периферию, либо «ЭРЭФия» – это живой труп, самый крупный мертвый осколок Советского Союза. Проблема статуса «непризнанных государств» в любом случае будет решена в этом году – с нами или против нас. В одном случае Россия получит последний шанс обратить многолетний распад вспять и вновь стать собирательницей земель. В другом – она сама очень скоро станет «непризнанной». Тогда международный дележ российского имперского наследства пойдет уже внутри российских границ.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК «УХОДЯЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»?

Проблематичность сохранения СНГ и затянувшаяся неопределенность этого объединения привели к росту негативных экспертных оценок. При описании постсоветского пространства самыми расхожими штампами стали «уходящая реальность» и «исчезающая натура». Среди аналитиков, не видящих долгосрочных перспектив преобразований на пространстве бывшего СССР, даже возникла особая, но довольно активная группа, которую по аналогии с «евроскептиками» можно назвать «СНГ-скептиками». Если суммировать эти похоронные настроения, то вырисовывается довольно мрачная картина.

Помимо уже описанного выше процесса появления новых государственных образований нас ожидает неуклонная деградация «несостоявшихся» постсоветских государств, причем их жалкая судьба будет находиться в руках глобальных игроков. А самые успешные страны СНГ поторопятся попасть в сферу влияния ЕС. По мнению скептиков, совокупность стран бывшего СССР, объединенных общим историческим и экономическим наследием, окончательно перестает существовать в качестве отдельного целостного региона. Вскоре Россия столкнется с массивным выдавливанием своего присутствия из ближнего зарубежья. Но, дескать, это и неплохо – сама Москва уже не рассматривает бывшие союзные республики в качестве безусловного приоритета и готова отпустить такую обузу в свободное плавание.

Получается, что распадающееся постсоветское пространство покорно повторяет судьбу постбританской «империи» и его ждет та

же незавидная участь. Уже в среднесрочной перспективе СНГ может превратиться в провинциальный аналог Британского Содружества, не имеющего ныне никакого серьезного влияния в мире. В итоге постсоветское пространство станет в лучшем случае захолустьем других цивилизаций – их сырьевой кладовкой и задним двором. А в худшем – внутриконтинентальной «черной дырой». В экспертной среде усиленно формируется пессимистическое мнение. Например, по словам цитированного выше Злобина, «Евразия – это некий регион, который включает в себя страны-неудачницы». Своего рода «проклятое место», где никто не хочет быть, и поэтому все страны СНГ «хотят отсюда вырваться на глобальный уровень любой ценой». Отсюда делается неутешительный вывод, что «у Евразии как территории постсоветского пространства будущего нет». Причем Злобин говорит об этом предельно откровенно: «Сегодня внутри Евразии нет достойных игроков, которые были бы заинтересованы в том, чтобы евразийское пространство превратилось в стратегическом плане во влиятельный центр мировой политической и экономической силы. Тем более – вне Евразии. Это никому не нужно. В какой-то степени Евразийский регион привлекает сейчас Европейский союз и США, так как здесь находятся большие запасы минеральных ресурсов, но будет ли этот регион интересен для этих лидеров международной политической и экономической силы, как только цены на эти ресурсы упадут? Нет, они пойдут дальше. У России, конечно же, не исчезнут интересы относительно данного региона, так как она сама является частью Евразии. Но понятно, что крупные мировые центры влияния не стремятся к превращению данного региона в еще одного крупного игрока на глобальном уровне. Как источник энергоресурсов – да, но в остальном этот регион не входит в интересы ЕС и США».

По мнению Злобина, ни одна из мировых западных держав не будет выстраивать долгосрочные интеграционные проекты на постсоветском пространстве. Действительно, «если сами страны, которые находятся внутри данного региона, хотят оттуда вырваться, то зачем другим участникам глобального экономического и политического процессов заниматься вопросами интеграции на этой территории?» В сущности, постсоветское пространство интересует США (поставки из России составляют менее 1% общего объема нефти, импортиру-

емой в США) и совокупный Запад как дополнительный поставщик первичных энергоресурсов и важная транзитная территория. И дополнительно – в качестве превентивного средства «усмирения» России и «сдерживания» Китая как наиболее опасных стран на евразийском пространстве. Достижением этих стратегических целей исчерпывается интерес Вашингтона, стремящегося предотвратить появление на месте бывшего СССР нового геополитического конкурента.

На мой взгляд, все эти мрачные предсказания должны стать не самосбывающимся пророчеством, но внятными предостережением для российского политического класса. Но с одним выводом американского политолога Злобина мне бы хотелось полностью согласиться: «И пока сами страны, которые находятся внутри региона, не поймут своего положения, то у них не будет никакого будущего». Никто, кроме нас самих, не может вытащить Россию и ее союзников из геополитической трясины.

ТРИ ПОВОДА ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА СНГ

Однако помимо тенденции распада, старательной вменяемой западными экспертами нам в правило, в мире есть куда более оптимистические примеры. Евросоюз с каждым годом набирает силу, постоянно нарастает региональная интеграция стран АТР, государства Южной Америки на глазах объединяются в формате МЕРКОСУР. Наконец, недавно на пространстве бывшего СССР был создан Таможенный союз трех государств – России, Белоруссии и Казахстана, – который представляется многим экспертам наиболее оптимальной моделью постсоветской реинтеграции. Так какие же есть основания (помимо ностальгии по СССР и стандартного набора патриотической риторики) для оптимистического взгляда на постсоветское пространство?

На данный момент существует три главные объективные причины взаимной заинтересованности России и стран СНГ.

Первая – это необходимость в развитии энергетического сотрудничества на пространстве СНГ. Основой единства является сложившийся за многие десятилетия единый союзный энергетический комплекс, который продолжает функционировать до сих пор, несмотря на формальную политическую и экономическую независимость

стран СНГ. Это делает инфраструктуру ТЭКа, по сути, самым важным интегрирующим фактором на всем постсоветском пространстве.

Вторая продиктована военно-политической потребностью. Однако здесь надо иметь в виду, что страны СНГ изначально рассматривались Россией не как «товарищи по оружию», а как совладельцы колхозных паев «по использованию элементов военной инфраструктуры, воздушного и водного пространства государств-участников», что досталось в наследство от СССР.

Третья – языковая и культурная общность, достигнутая в Советском Союзе. Она проявляется в существующем единстве образовательных, технических стандартов и ментальных шаблонов. Например, в российские военные учебные заведения в минувшем году из стран СНГ поступило более восьми тысяч заявок на подготовку офицеров. Может быть, поэтому постсоветские реалии пока еще оказались сильнее идеалов Объединенной Европы – ведь сотрудничество Запада с многими членами Содружества ограничилось военными аспектами «утилитарного» противостояния международному терроризму. Не случайно, что именно в недрах ОДКБ, превращающейся под руководством Николая Бордюжи из военно-политической в многофункциональную структуру, появилась крайне перспективная идея «евразийского Шенгена». Данный проект – аналог европейского. Он направлен на создание условий по свободному перемещению товаров, услуг, рабочей силы на территории стран – участниц ОДКБ. (Заметим, что эта идея не новая на постсоветском пространстве. Еще в 1998 году президент Казахстана Назарбаев выступал с инициативой «Десять шагов навстречу простым людям». По сути, «евразийский Шенген» есть продолжение идей казахстанского лидера.)

По мнению ряда экспертов, главной проблемой постсоветских государств является то, что их лидеры до сих пор не осознали всей стратегической важности регионального единства. И действительно, темпы и конкретные формы интеграции в Содружестве зависят как от объективных условий – экономического потенциала, так и субъективных факторов – политической воли лидеров к полноценному объединению. До сих пор успехи каждой постсоветской страны в отдельности (в том числе полученные за счет страны-соседа) считаются важнее общей судьбы. По этой причине большинство стран постсоветского пространства (в том числе и сама Россия) продолжают игру с

отрицательным или нулевым результатом, не понимая преимущества стратегии взаимного выигрыша – никакие мелкие акции устрашения (наказание Грузии, блокада Украины и т.п.) не могут дать долгосрочного позитивного эффекта.

Сейчас в СНГ проходит исторически неизбежный процесс самоидентификации бывших советских республик как независимых государств. Новым политическим элитам порой кажется, что евразийская интеграция ущемит их только что приобретенную независимость. Однако невозможно в СНГ двигаться вперед и построить прочный союз, не делегируя часть суверенитета: осознание именно этой истины стало дорогой к успеху для европейских государств. До тех пор пока на постсоветском пространстве будет продолжаться игра мелких интересов и не появится работоспособная наднациональная структура, оно будет оставаться раздробленным.

Итак, изначально Содружество Независимых Государств было создано для утилизации объемной и во многом избыточной инфраструктуры СССР. И если Евросоюз (как центр интеграции) вырос из франко-германских соглашений по углю и стали и содержит в себе логику объединения, то в СНГ изначально закладывалась иная идеология – развода. До последнего времени проблема эрозии единого социокультурного пространства остро не стояла, поэтому со странами СНГ у России не возникало споров и по другим вопросам. Но не исключено, что обострившиеся проблемы (цены на газ, условия транзита энергоносителей и различные стратегии военного сотрудничества) повлекут за собой – вслед за наметившимися языковыми осложнениями в государствах СНГ – и постановку вопроса о смене политической ориентации.

НУЖНА ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ХАРТИЯ

В последнее время ценовые и тарифные (так называемые газовые) войны в энергетической сфере СНГ стали повторяться с пугающей частотой. Аналитики считают, что уже в среднесрочной перспективе ситуация в некогда едином «общесоюзном ТЭЖе» может выйти из-под контроля. Дело в том, что государства Центральной Азии уже получили заманчивые предложения по новым маршрутам от Китая

и Евросоюза. Страны региона при поддержке США активизировали свое сотрудничество с Евросоюзом по альтернативным поставкам энергоресурсов в Европу. А в ближайшие годы без голубого топлива из глубин Азии российский газовый концерн может попросту не справиться с объемом экспортных обязательств перед странами СНГ и Европы. Поскольку внутренняя добыча газа в России практически не растет, «Газпром» все больше начинает зависеть от поставок из Центральной Азии. Аномально холодная зима, нагрянувшая в страны Центральной Азии, уже спровоцировала резкое снижение экспортных поставок энергоносителей из данного региона. К примеру, для обеспечения поставок газа на Украину трейдеру РОСУКРЭНЕРГО пришлось докупать недостающий объем (около 40 кубометров в сутки) в России по цене 314,7 доллара за 1000 кубометров.

Клубок проблем в части определения справедливых цен на энергоносители, а также условий поставок и транзита стал далеко выкатываться за пределы локальных двусторонних межгосударственных договоров и корпоративных ценовых конфликтов. Предкризисное положение дел, складывающееся на энергетическом рынке СНГ, определенно требует единства поставщиков и потребителей. Или как минимум – осмысленной координации совместных действий. И в первую очередь сегодня явно не хватает прозрачных правил энергетической игры на пространстве бывшего СССР. По этой причине 26 сентября 2007 года ближайший союзник России – президент Казахстана Назарбаев – с трибуны ООН предложил принять Евразийский пакт стабильности энергопоставок, предполагающий обязательства и гарантии как для потребителей, так и для поставщиков.

Евросоюз уже давно предлагает России ратифицировать свою версию правил игры – так называемую Энергетическую хартию, формулирующую общие правила поведения на энергетическом рынке. Москва по вполне понятным причинам отказывается принять этот документ как содержащий явно односторонние преференции для Европы. Однако взамен хартии не было выдвинуто системных предложений по урегулированию интересов транзитеров, экспортеров и производителей газа. За исключением, пожалуй, довольно абстрактной идеи «газовой ОПЕК», имеющей больше пропагандистский, чем практический характер. По мнению аналитиков, отсутствие у России своего варианта хартии, устанавливающей взаимную ответс-

твенность игроков энергетического рынка в СНГ, будет приводить к череде кризисов и растущему недовольству со стороны соседей. Или как вариант – к привлечению в качестве верховного арбитра в газовых спорах стран Евросоюза и США.

Так же, как европейская интеграция началась с уже упомянутого выше франко-германского Союза угля и стали, грядущая интеграция России и наших стран-союзников может и должна базироваться на новом Энергетическом пакте. Эти глобальные договоренности должны обуславливаться объективной зависимостью прирубленных стран от российской энергетической и транзитной инфраструктуры и справедливыми условиями закупок и транспортировки энергоносителей для наших центральноазиатских партнеров. В ситуации непрекращающегося роста цен на углеводороды и постоянного обветшания транзитной инфраструктуры, доставшейся нам в наследство от СССР, странам СНГ предстоит непростой, но неизбежный поиск путей объединения в рамках единого газового (а возможно, даже и общего энергетического) пространства. Иначе каждый Новый год мы будем встречать с ощущением надвигающейся «газовой войны».

ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ «НА ТРОИХ»

Важнейшим событием 2007 года в СНГ стало долгожданное оформление нового Таможенного союза. «Евразийская тройка» (Белоруссия, Россия и Казахстан) подписала Договор о создании комиссии Таможенного союза, протокол о порядке вступления в силу международных договоров, формирующих правовую базу объединения, и соглашение о единой тарифной политике. Напомним, что принципиальное решение о создании Таможенного союза в составе трех государств было принято на совете ЕврАзЭС в августе позапрошлого года. В недалекой перспективе к данному Таможенному союзу смогут присоединиться и другие страны, входящие в ЕврАзЭС. Но некоторым из них (например, Киргизии, Узбекистану и Таджикистану) быстрое вхождение в такой союз пока объективно невозможно – мешает недостаточный уровень развития экономики. Так что на первом этапе Россия, Казахстан и Белоруссия начнут строить в

ускоренном порядке Таможенный союз «на троих». Дело в том, что реальная интеграция может идти лишь между странами с достаточно развитым и сопоставимым потенциалом. В ЕврАзЭС к таким странам можно отнести только Россию, Белоруссию и, разумеется, стремительно растущий Казахстан.

По мнению экспертов, создание Таможенного союза должно дать его участникам не только существенные экономические выгоды. Введение общего таможенного и транспортного тарифа в отношении третьих стран позволит нашим государствам обеспечить более надежную защиту от внешней конкуренции и поставить плотные заслоны на пути контрабанды и реэкспорта, в том числе стратегического сырья и продукции двойного применения. Так, с формированием общего внутреннего рынка основных потребительских и экспортных товаров союз получит экономический щит против глобализационных выпадов извне. И своего рода страховочный щит от неизбежного колебания мировых биржевых цен на энергоносители – нефть и газ. В рамках Таможенного союза наши страны могут вести переговоры о вступлении в ВТО на значительно более выгодных условиях. Появляется возможность установления внутренних – между участниками Таможенного союза – таможенных пошлин, налоговых каникул, дотаций для сельского хозяйства.

ОТ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА К СОЮЗУ ГОСУДАРСТВ

Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана должен заработать в 2010 году. Об этом заявил Владимир Путин в Душанбе после саммита ЕврАзЭС. Глава российского Минпромэнерго Виктор Христенко считает, что «процесс формирования институтов и инструментов Таможенного союза <...> потребует двух-трех лет напряженной работы, и не только над бумагами». Есть все основания полагать, что интеграция наших стран не закончится одним общим экономическим пространством в рамках Таможенного союза. Тем более что по своему геоэкономическому значению «евразийская тройка» – крупный мировой игрок. Россия, Белоруссия, Казахстан – это почти 60% населения и около 75% экономического потенциала всего СНГ.

Несмотря на то что экономики большинства стран СНГ по своим масштабам несопоставимы с размерами и потенциалом России, формирование общего интегрированного экономического пространства с другими странами-соседами играет принципиально важную роль для развития российской экономики. Не секрет, что экономики стран СНГ крайне необходимы России как рынки сбыта продукции высокой степени переработки. Для многих отраслей промышленности (прежде всего электротехнической и машиностроительной) экспорт в СНГ является важнейшим каналом реализации товаров, а также рамочным условием сохранения в наших странах высокотехнологичного производства. Иначе мы можем попросту потерять ряд ключевых промышленных технологий и безвозвратно скатиться в сырьевой третий мир.

Реализация продуманного плана по формированию Таможенного союза – это прекрасный пример стратегии «взаимного выигрыша». В рамках такого союза большой учет интересов наших союзников вполне соответствует российским интересам. Тем более что новые экономические реалии требуют все более активного участия Казахстана в европейской части Евразии, а Белоруссии – в азиатской. Уже сегодня стратегические казахстанские грузы, такие как уголь, зерно, руда и металлы, проходят через российскую территорию. Выполнение многих пунктов Стратегии развития Казахстана также заметно выходит за рамки сугубо внутренней экономики. Получается, что всем нам – России, Белоруссии и Казахстану – жизненно необходим надгосударственный контур управления. Например, пока в формате Таможенного союза. Кстати, в рамках этого объединения предполагается создание – впервые на постсоветском пространстве – наднационального органа по регулированию тарифов.

Важнейшим следствием создания Таможенного союза станет восстановление сердцевины экономического пространства бывшего СССР как единого организма. Напомним, что доля стран СНГ в общем объеме внешнеторгового оборота Содружества до сих пор составляет около 60%. Это значит, что наша объединенная экономика может в считанные годы резко возрасти только за счет восстановления былых экономических связей. Эксперты предполагают, что вскоре речь может пойти о новой версии Союза независимых государств Евразии, в котором в общей сложности будут проживать более 200 миллионов человек.

ПРОГНОЗЫ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

Исходя из рассмотренных выше факторов можно прогнозировать два основных варианта развития событий. Либо Москва продолжит свою активную деятельность в Содружестве, перейдя к созданию эффективных наднациональных органов интеграции (например, объединив перспективные форматы ОДКБ, ЕврАзЭС и Таможенного союза в единый проект Евразийского союза государств). Либо Россия откажется от этой «обременительной затеи» и перейдет к ограниченному двустороннему партнерству. Принято считать, что второе предположение не имеет серьезной основы, поскольку Россия не согласится добровольно уйти из таких регионов, как восточная часть Восточной Европы, Кавказ и Центральная Азия, а самим постсоветским государствам не хватит духу порвать с Москвой.

Думается, что у нас нет оснований для подобного безудержного оптимизма. В последнее время настойчиво возникает неожиданный третий сценарий, по которому элиты стран СНГ могут сами инициировать процесс развода с Россией. Риторический вопрос – «Готово ли взять на себя руководство той или иной страны Содружества ответственность за выход из этого объединения?» – получил на днях свое практическое разрешение. Грузия первая вслух сказала: «Похоже, что да!» Напомним, что на референдуме 5 января 2008 года 72,5% избирателей Грузии поддержали вступление своей страны в НАТО. В ответ глава российского МИДа Сергей Лавров лишь вяло заявил, что «намерение Грузии вступить в НАТО – личное дело грузинского народа, но РФ в таком случае придется сделать выводы об обеспечении своей безопасности».

Но пример Грузии может получить и продолжение. В конце ноября 2007 года первый вице-премьер Азербайджана Ягуб Эюбов сообщил, что его страна «успешно интегрируется в североатлантические структуры и стремится стать членом НАТО». 15 января 2008 года президент Украины Виктор Ющенко, председатель Верховной Рады Арсений Яценюк и премьер-министр Юлия Тимошенко направили официальное письмо генеральному секретарю НАТО Яапу де Хооп Схефферу, в котором отмечали, что «глубинные и необратимые демократические преобразования стали сегодня объективными предпосылками решения принципиально важных вопросов для полного

достижения всех критериев, необходимых для членства в Организации Северо-Атлантического договора».

В условиях жесткой конкуренции на постсоветском пространстве все очевиднее становится бесперспективность исключительно экономического привлечения на российскую сторону тех государств, которые по идеологическим соображениям хотели бы примкнуть к Объединенной Европе и НАТО. И дело здесь не только в отдельных «плохих» политиках, разочаровавшихся в Москве. Напомним, что решение о присоединении Украины к Плану действий по вступлению в НАТО было согласовано еще в августе 2006 года оранжевым президентом Виктором Ющенко и тогдашним кандидатом в премьеры Виктором Януковичем, почему-то считающимся однозначно пророссийским политиком.

Принимая во внимание результаты социологических опросов в рамках проекта «Евразийский монитор», можно себе представить, как тема участия или неучастия в СНГ той или иной страны (включая и саму Россию) легко превращается из внешнеполитической и международной в сугубо внутривластную. С учетом сложившейся политической ситуации в постсоветских странах само голосование на любых выборах может иметь принципиальный знаковый смысл и в некоторых государствах (например, в Грузии) приобретает характер судьбоносного национального референдума: «За Россию или за Европу?»

Дело в том, что основу внешней политики многих стран Содружества составляло ситуационное балансирование между Россией и Западом. Но рано или поздно такая многовекторность должна была привести к окончательному выбору партнера. Другая побудительная причина «побега на Запад» заключается в естественной смене элит в СНГ: клуб секретарей ЦК и членов Политбюро стал замещаться новыми политическими силами, пришедшими к власти при поддержке со стороны Запада. И угроза так называемых цветных революций здесь ни при чем – на смену действующей власти почти всюду идет новое поколение «боярских детей», которое открыто заявляет о своей приверженности западному выбору, подкрепленному размещенными там собственностью и счетами; поэтому оно готово ввести самый жесткий запрет на все, что связано с Россией (по примеру стран Балтии).

Это грядущее поколение «педократов» в СНГ отличается довольно низкой способностью к принятию управленческих решений, поэтому с готовностью передает обузу стратегических действий внешним центрам силы, оставляя за собой представительские функции и необременительное взимание рентных платежей на индустриально деградирующих территориях нефеодалного уклада. По оценкам аналитиков, для оставшихся внешне пророссийскими стран СНГ окончательный выбор «Россия или Евросоюз (вариант – Китай)» будет сделан по истечении ближайших трех-четырех лет. Вместе с этим придет завершение инерционного сценария сохранения Содружества почти независимых протогосударств – как осколков великого СССР.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО
